

М. С. Емельянова

Философские споры в повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья»

В статье рассматриваются философские споры, которые ведет герой повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского. Экзистенциальный «диалог» обращен к философской и культурной традиции актуальной для России 1850–1860 гг. Ключевым моментом спора является борьба рационального и иррационального начал.

Ключевые слова: подполье, рационализм, иррационализм, метафизика, гносеология, позитивизм, исповедь, затвор, рефлексия, романтизм, диалектика, этика.

M. S. Emeljanova

Philosophical Disputes in F. M. Dostoevsky's Story "Notes from the Underground"

In the article are regarded the philosophical disputes of the character of the story "Notes from the Underground" by F. M. Dostoevsky. The existential "dialogue" is turned to the philosophical and cultural tradition which was actual for Russia in 1850-1860. The key moment of the dispute is a struggle of the rational and irrational beginnings.

Keywords: underground, rationalism, irrationalism, metaphysics, gnoseology, positivism, a confession, a shutter, a reflection, romanticism, dialectics, ethics.

Повесть «Записки из подполья» была написана в напряженное для европейской науки и философии время. 1850-60-е гг. – переломный момент в мировоззрении. Начинается период открытий, которые впоследствии приведут к смене научной картины мира. Напомним лишь некоторые из них. В конце XVIII в. И. Кант создал теорию появления солнечной системы из туманности и изложил «революционные» взгляды на познание человека, которые используются и в современной гносеологии. В первой половине XIX в. в области биологии Ж. Б. Ламарком и Ч. Р. Дарвином были выдвинуты эволюционные теории развития, а М. Я. Шлейден и Т. Шванн создали клеточную теорию строения растений и живых существ. Благодаря М. Фарадею и Дж. Максвеллу появилась электромагнитная картина мира.

В социальных науках намечается настоящий переворот. Появляется социология как наука, создается марксистская экономическая теория, начинается активно изучаться психология, которая пока еще не обрела статус самостоятельной дисциплины и включается учеными (О. Конт, Дж. Ст. Милль) в состав других наук. Начинается активное наступление на традиционную философию. Позитивисты выступают против метафизики в любых ее проявлениях. Они наивно верят во всемогущество научного разума, человека рационального, манифестированного еще Сократом, при этом сами незаметно наступают на грабли опальной науки.

Однако нападки на предшествующую философскую традицию не ограничиваются «экстрарациональными» позитивистами. А. Шопенгауэр всю свою творческую жизнь направил на «борьбу» с немецкой классической метафизикой и особенно Гегелем. Он создает свою иррациональную картину миропорядка, где «стоит плач и скрежет» и где спасение видится лишь в равнодушии. Веет от этой концепции далеким стоицизмом, смешанным с христианско-буддистской этикой.

Долго еще можно рассуждать над философским контекстом, предшествовавшим «Запискам», однако обратимся к самому произведению. Удивительно, что повесть «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского не только становится переломным моментом его творчества, но и отражает борьбу большинства философских и научных направлений Европы того времени. Герой повести создает свою собственную философию, опровергая многое из того, что было принято в его время.

Уже в заглавии обозначен жанр «записок». «Записки», как правило, – отражение частных мыслей, чувств, событий человека, не предназначенных для публичного чтения и печати. Следует отметить, что именно жанр записок был очень популярен, так как показывал события внешнего мира, отрефлексированного героем, с оригинальной стороны, интересной читателям.

Как жанр «записки» Достоевского близки исповеди, впервые созданной Аврелием Августином и продолженной дальнейшей христианской и философской традицией. Исповедь позволяет не только осмыслить жизненный опыт, высказать свои самые сокровенные, тайные мысли, которые никогда и никому не раскрываются в силу своей исключительной интимности, но и подвести жизненные итоги в назидание другим. Герой сам сравнивает свое произведение с «Исповедью» Руссо, соглашаясь с Гейне, «что верные автобиографии почти невозможны, и человек сам об себе наверно налжет. По его мнению (*Гейне, прим. мое*), Руссо, например, непременно налгал на себя в своей исповеди, и даже умышленно налгал, из тщеславия. Я уверен, что Гейне прав... Но Гейне судил о человеке, исповедовавшемся перед публикой. Я же пишу для одного себя и раз навсегда объявляю (...) Тут форма, одна пустая форма, читателей же у меня никогда не будет. Я уже объявил это...» [3, с. 352] Проведенная параллель лишь доказывает преемственность жанра. Хотя герой претендует на абсолютную искренность, которая для публичного обсуждения не предназначена. «Записки» построены как диалог с предполагаемым читателем-собеседником, носят дидактический характер, что вступает в противоречие с заявлениями о частом характере повествования.

В размышлениях о жанре повести смущает еще один момент – «подполье». Обычно исповедь строится на осознании своей жизни, строгом и беспристрастном анализе, которому подвергаются все отдаленные уголки души, все, о чем принято молчать перед людьми и открывать перед Богом. Это *сознательный* выход из тьмы греха в свет истины.

«Подполье» подразумевает тьму и намекает на существование света вовне. Оно наталкивает на мысли о подсознании, рвущемся наружу: «я крепко убежден, что не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь» [3, с. 327]. Оно стихийно, иррационально, сопоставимо с шопенгауэровской волей, сметающей на своем пути все преграды общественной морали и выводящей на диалог. Подполье – это изнанка души, самые укромные ее уголки. Подполье – это всевластная черная тень, тайна, смрад мыслей и чувств «с червоточинкой», ехидно скрываемых – приоткрываемых от посторонних, чужих. Подполье также одиночество, дошедшее до края. Одиночество среди людей, как сознательно выбранный путь собственной исключительности, болезненности души. Борьба со своим крестом и удовольствие от мучений, которые он доставляет. Метания от добродетели к злу, множество болезненных полутонов ду-

ши. Ф. М. Достоевскому свойственно наделять своих героев такими чертами.

Подполье равнозначно пустыне, затвору, куда удалялись люди за духовным подвигом, избегая возможных искушений и воспитывая силу духа. Затвор позволял сосредоточиться на самом главном, отсекая все лишнее, ваять совершенную личность во Христе. Но духовный подвиг осиливают не все...

Герой вступает в диалог с этой древней христианской традицией. Он добровольно принял затвор, свое метафизичное подполье, которое постепенно превращается в реальный, сознательный уход от социальной жизни. Он не рвется к совершенствованию, а страдает от самоедства. Это затвор, но не ради пути к добродетели и Богу, а ради наслаждения от муки.

Как сказал святитель Николай Сербский (Велемирович): «Где жизнь, там нет муки; где мука, там нет жизни. И, воистину, полнота жизни исключает муку!» «Жизни» в данном контексте у героя нет. «Жизнь» подразумевает христианское делание, но делания нет, есть только слова и помыслы, есть только потребность самозабвенно истязать себя до судорог, а потом, корчась в муках, испытывать блаженство. Герой все понимает, все осознает, до таких подробностей-деталей, что, как он сам заметил, не всякий смог бы даже самому себе признаться в подобных вещах, особенно «человек порядочный».

Самое страшное наказание в жизни – оказаться в духовной пустыне одному среди людей. Такая кара настигает персонажа повести. Его уход от мира вызван человеческой пустыней, выжигающей души, делающей людей глухими друг к другу. Даже свой единственный шанс на обретение полноты бытия он упускает, боясь «пустынного» осуждения.

По мнению Бердяева, сущность героев Достоевского раскрывается в их взаимоотношениях с женщиной. В повести взаимоотношения с женщиной высвечивают духовную слабость героя, который оказывается нравственно ниже «падшей женщины». Происходит нравственная перверсия. Мир перевернулся. «Пророк» сам совершает падение, на деле оказываясь слабым мстительным, завистливым, «маленьким человеком» не по социальному статусу, а по духу. Всплывают слова апостола Павла: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Послание римлянам, 7, 19). Добро не состоялось, подполье перетянуло. Благородство души закончилось порывом, оставленным в самом начале.

Кто герой повести? Сам Достоевский характеризует его так: «Я хотел вывести перед лицо пуб-

лики, повиднее обыкновенного, один из характеров протекшего недавнего времени. Это – один из представителей еще доживающего поколения». Вымышленный человек, собирательный образ – «зеркало человеческого подполья». Выходит перед нами «человек необыкновенный», для которого решение внутренних проблем – суть жизни. Внутренняя жизнь героя обострена до предела. До такой черты, за которой наступает уход от социальной реальности. О внешней жизни почти не рассказывается, но она не может ничего прибавить к экзистенциальной философии героя.

Повесть наполнена антиномиями. Одной из таких антиномий становится диалог между «разумом» и «чувством». Это далеко не традиционный, ставший музейным классицистический диалог, а живой спор не на жизнь. Это философия человеческого духа, свойственная людям «повиднее обыкновенного».

Как известно, философией человеческой природы занимались практически все, начиная с Сократа. Сократа называли великим учителем, сыном бога Аполлона. Однако даже такой мудрец не уберется от ошибки. Он «первый провозгласил, что человек потому только делает пакости, что не знает настоящих своих интересов; а что если б его просветить, открыть ему глаза на его настоящие, нормальные интересы, то человек тотчас же перестал бы делать пакости, тотчас же стал бы добрым и благородным, потому что, будучи просвещенным и понимая настоящие свои выгоды, именно увидел бы в добре собственную свою выгоду, а известно, что ни один человек не может действовать зазнамо против собственных своих выгод, следственно, так сказать, по необходимости стал бы делать добро» [3, с. 337].

Первым против этой теории выступил Аристотель, не сумевший поверить в «доброту» природы всего человечества. Неудивительно, что наш герой также поспешил бросить свой камень в общую гору критических замечаний: «То-то и есть, господа, не существует ли и в самом деле нечто такое, что почти всякому человеку дороже самых лучших его выгод, или (чтоб уж логики не нарушать) есть одна такая самая выгодная выгода (именно пропускаемая-то, вот об которой сейчас говорили), которая главнее и выгоднее всех других выгод и для которой человек, если понадобится, готов против всех законов пойти, то есть против рассудка, чести, покоя, благоденствия, – одним словом, против всех этих прекрасных и полезных вещей, лишь бы только достигнуть этой первоначальной, самой выгодной выгоды, которая ему дороже всего» [3, с. 338]

Речь идет об иррациональной свободе, которая заставляет гореть сердце и наслаждаться СВОИМ путем, даже если он проложен через тернии и не

ведет к звездам: «человек, всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать так, как хотел, а вовсе не так, как повелевали ему разум и выгода; хотеть же можно и против собственной выгоды, а иногда и положительно должно (это уж моя идея). Свое собственное, вольное и свободное хотенье, свой собственный, хотя бы самый дикий каприз, своя фантазия, раздраженная иногда хоть бы даже до сумасшествия, – вот это-то все и есть та самая, пропущенная, самая выгодная выгода, которая ни под какую классификацию не подходит и от которой все системы и теории постоянно разлетаются к черту» [3, с. 342]

На объективность и всезнание законов реальной жизни претендует персонаж повести, споря со всеми рационалистами. Он выступает против западноевропейских «гуманистических ценностей», созданных немецкой классической философией и романтизмом. «У нас, русских, вообще говоря, никогда не было глупых надзвездных немецких и особенно французских романтиков, на которых ничего не действует, хоть земля под ними трещи, хоть погибай вся Франция на баррикадах, – они все те же, даже для приличия не изменятся, и все будут петь свои надзвездные песни, так сказать, по гроб своей жизни, потому что они дураки» [3, с. 320]

Оскар Уайльд когда-то заметил, что «цинизм заключается в видении вещей такими, каковы они есть, а не такими, как они должны были быть». Исходя из подобного определения, заключим, что русский романтизм был превращен в цинизм: «Свойства нашего романтика – это все понимать, все видеть и видеть часто несравненно яснее, чем видят самые положительнейшие наши умы; ни с кем ни с чем не примиряться, но в то же время ничем и не брезгать; все обойти, всему уступить, со всеми поступить политично; постоянно не терять из виду полезную, практическую цель (какие-нибудь там казенные квартирки, пенсиончики, звездочки), усматривать эту цель через все энтузиазмы и томики лирических стихов и в то же время “и прекрасное и высокое” по гроб своей жизни в себе сохранить нерушимо, да и себя уже кстати вполне сохранить так-таки в хлопчках, как ювелирскую вещицу какую-нибудь, хотя бы, например, для пользы того же “прекрасного и высокого”. Широкий человек наш романтик и первейший плут из всех наших плутов, уверяю вас в том...» [3, с. 357]. Романтизм не выдерживает борьбы с жизнью, которая, как не устают повторять Достоевский, не сводится к дважды два четыре, а иногда бывает и пять, что для него сознать гораздо приятней. Однако тяжело смириться молодому человеку с таким приговором. Все мечты, грезы, желания оказываются глупыми и нежизнеспособными. Ценности

рушатся во время подобного диалектического перехода из романтизма в цинизм. Оказывается, что даже мечтать становится смешным и нелепым, что этого уже никто не понимает, так как миром правит «разум», все просчитывающий, везде ищущий лишь карьерные и экономические выгоды.

Что же делать человеку, который вырос на Ценностях и жил романтическим книжным миром, отгородившись от внешних нападков? Что делать, если до самого человека никому не было дела? Вообще тема одиночества лейтмотивом проходит на протяжении всей повести. Именно оно, как дамоклов меч, висит над героем повести, загоняет его в подполье. Одиночество звучит как приговор личности, не сломавшейся перед стеной общественных принципов.

Стеной в глазах героя являются все рационалистические теории, принятые в обществе и оправдывающие всепоглощающий цинизм, ставший нормой. Он называет теории о человеческом счастье «логистикой», сводя благородные и возвышенные рассуждения великих мужей к одной лишь формальной логике, применимой к науке, но не к жизни. В жизни также действует расчет, но он далек от великого гуманизма. Он скорее похож на известную теорию, в которой выживает сильнейший.

Популярный в России того времени английский позитивист Генри Томас Бокль утверждал, что встарь богатейшими странами были те, природа которых была наиболее обильна; ныне же богатейшие страны те, в которых человек наиболее деятелен, что развитие цивилизации «смягчает человеческое сердце». Он вторит позитивистам, что человек – существо рациональное, что изучение законов природы и психологии самого человека поможет в дальнейшем воспитать – просчитать деятельность индивидов. Однако все подобные концепции враз разбиваются об иррациональную логику человеческой деятельности, когда поступки входят в резкий диссонанс со здравым смыслом: «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым таким образом, точно шампанское. Вот вам все наше девятнадцатое столетие, в котором жил и Бокль. Вот вам Наполеон – и великий, и теперешний. Вот вам Северная Америка – вековечный союз. Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн... И что такое смягчает в нас цивилизация? Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше. А через развитие этой многосторонности человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение» [3, с. 339]

Герой Достоевского не устает повторять, что только свобода – истинная цель и изначальная

возможность человеческого существования. В том числе и свобода от рациональности. Человек – существо «неблагодарное», которое постоянно идет по пути жизни, не имея цели, но важен только путь, а цель и не важна. Цель – всегда ограничение сознания, так как свобода и сознание неразделимы. Направление пути может быть изменено в любую минуту, ведь важен сам процесс свободного существования, а не его конечная цель. Герой специально отмечает, что каждый путник стремится свернуть куда-то в сторону от проложенной разумом человечества дороги, чтобы самому обрести спасение в конце.

Согласно христианскому мировоззрению, человек – существо двойственное. В нем органично переплетаются физиология и психическая деятельность, разум и чувство, хаос и порядок, в нем «Бог с дьяволом борется, а поле битвы – сердце человеческое». Борьба становится причиной внезапных, неожиданных поступков человека, который и сам не знает, что «выкинет» в следующую минуту. Проторенная дорога слишком скучна для непредсказуемой человеческой природы, а прямая разумная дорога напоминает знаменитую фразу Пушкина, что «в ад дорога широка».

Необходимо отметить, что все философские теории, которые пытается оспорить герой повести, признают либо всевластный разум в познании и поведении, либо «усредненную этику», рассчитанную на нужды множества людей, которая обязывает вести себя определенным образом. Подобные усредненные правила приводят к тому, что резкая граница между добром и злом постепенно размывается, и человек перестает ориентироваться, что в цивилизованный век можно, а чего нельзя. Возможным становится все, что приличествует общественному мнению, но не христианской совести, а для Достоевского согласие между христианской волей и жизнью всегда было на первом месте.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972;
2. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского [Текст] / Н. А. Бердяев. – М., 1996.
3. Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : в 7 томах [Текст] / Ф. М. Достоевский. – Т. 7. – М., 1994.